

ФОЛЬКЛОРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ-СКАЗАНИИ К. Г. АБРАМОВА «ПУРГАЗ»

Е. А. ШАРОНОВА,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

Т. В. ГЕРАСЬКИН,

*кандидат филологических наук,
докторант, старший преподаватель кафедры общенаучных дисциплин
Ковылкинского филиала ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

В основе жанра романа-сказания лежит народная легенда, притча или сказание, которые интерпретируются автором в соответствии с его пониманием конкретного фольклорного материала, видением прошлого и перелагаются в романтическое повествование, где переплетаются с летописными данными и подтвержденными исторической наукой фактами. Писатель входит в фольклорный источник, изменяя и домысливая его. Иногда, развертывая картину интересующего его времени, он использует несколько сказаний, избирательно относясь к событиям и персонажам, представленным в них. При этом появляются герои, рожденные его фантазией, а уже известные герои народных преданий и легенд наделяются новыми качествами и способностями. Изменяется в романе и характер героя, так как расширяется круг действующих лиц, с которым он вынужден сталкиваться и взаимодействовать и которые влияют на него так же, как он влияет на них [9]. Герой романа-сказания одновременно и историческое лицо, и фигура, обладающая в народных представлениях чудесными способностями, необыкновенными личностными качествами, и воплощение авторских стремлений создать живого че-

ловека на основе образов фольклорного богатыря и исторического лица, которые по своей сути являются идеальными [4, 129].

Обращение к мифу, легенде, народному сказанию весьма характерное явление в романистике последних десятилетий XX в. Как заметил В. Р. Щербина, «включение условных символических форм в повествование преследует цель найти выразительные обобщающие формы художественного синтеза, в которых выпукло раскрывается сущность борющихся сил современности и истории, характер их закономерностей» [12, 17]. Однако обращение к мифу, притче или сказанию может иметь различные, порой противоположные результаты. «При условии подлинного творческого отношения писателя к материалу фольклора та же причина помогает синтетическому выяснению движущих начал действительности, в обобщенной форме обнажает их внутренний смысл. В других же случаях условная природа притчи настолько абстрагирует конкретный облик событий и лиц, что они утрачивают свое конкретно-историческое своеобразие, переключаются в сферу вневременных общих сущностей» [12, 17]. Эти слова можно отнести и к использованию художественной литературой народного

сказания. Неспособность соединить общественное и нравственное содержание сказания с происходящим в современном мире приводит подчас к идеализации прошлого. Но продуманное включение фольклорного материала в повествование, в его объективном, исторически изменчивом соотношении с действительностью, способствует плодотворному решению художественных задач. Для органичного включения сказания в повествование необходимо его внутреннее соответствие общей социально-философской концепции произведения. К. Г. Абрамов следует всем перечисленным требованиям, поэтому его «Пургаз» является цельным, гармонично сочетающим в себе фольклор, литературу и историю романом.

Летописный и фольклорный материал относительно верно отражает русско-эрзянские отношения в XII–XIII вв. В этот период на Русской земле одновременно шли два процесса: распад и ослабление Киевского княжества и перенос социально-политической активности в северо-восточную область, которая впоследствии стала основной территорией Русского государства. Эрзяне, жившие в непосредственной близости от русских княжеств и внутри них, с самого начала были вовлечены в эти этнополитические процессы и приняли участие в «переделе мира» того времени, защищая свою территорию. Шло постоянное противоборство между Русью и Эрзянией. Инициатором войн выступали русские князья. Однако эрзянские князья-инязоры были сильны настолько, что смогли сохранить свою территориальную и политическую самостоятельность.

П. И. Мельников (Андрей Печерский) в «Очерках мордвы» пишет, что Пургас (такое написание соответствует русским летописям) жил недалеко от г. Кадома на правом берегу Мокши. Согласно преданиям, на месте с. Пургасово в XII–XIII вв. находился город-крепость, являвшийся центром княжества Пургаса [7]. В 40-е гг. XX в. П. Д. Степанов вел раскопки еще одного городища в 60 км к востоку от Кадома. Многочисленные Пургасовы городища на огромном пространстве от Мокши до Оки

при ее впадении в Волгу и от Оки до Суры свидетельствуют о том, что Пургас был сильным и влиятельным князем, а управляемое им княжество – хорошо организованным в военном и социальном отношениях.

Многие исследователи размышляют над вопросом: почему княжество Пургаса было названо летописцем Русью? Как считает А. П. Смирнов, речь идет о русском населении, которое проживало на части территории эрзянского княжества [8, 27]. Однако летописец именуется Русью все княжество. А. И. Маскаев видит причину в том, что Пургас был не эрзянским, а русским князем [6, 45]. По мнению А. М. Шаронова, «эрзянское население княжества Пургаса названо Русью потому, что летописец отождествлял Эрзю и Русь... Пургасова Русь была единственным государственно-политическим образованием на русской земле IX–XV вв., которое включало слово “Русь” в свое название. Например, термин “Киевская Русь” появился лишь в начале XIX в. В IX–XIII вв. “Киевской Руси” не было, было Киевское княжество. Книжным и условным (историографическим) является слово “Русь”, когда используется для обозначения других русских княжеств (Новгородского, Ростовского, Владимиро-Суздальского, Ярославского и др.). В реальной действительности слова “Русь” и “Русская земля” применялись для обозначения всей Руси, раскинувшейся от Белого и Балтийского морей, Волхова, Днепра и Дона до Оки и Волги, включавшей в свой состав Литву, Чудь, Весь, Корелу, Эрзю (Мерю, Мещеру, Мурому, Вятичей), балто-эрзянских полян, древлян, кривичей и другие народы, входившие в Биармию. И только княжество Пургаса названо Русью, так как для летописца именно Эрзя есть Русь, от нее она берет свое начало» [10, 178–179].

В 1867 г. П. И. Мельников-Печерский в рукописном сборнике XVII в. нашел русские предания о событиях того времени: «Во времена стародавние, где теперь стоит Нижний Новгород, жил знатный, сильный мордвин по имени Скворец. Он был друг и товарищ другому мордвину – Соловью, тому самому, что связан был Ильей Муромцем. Женился Скворец на восемнадцати

женах, и родили они ему семьдесят сыновей. Все жили вместе, занимались скотоводством, пасли стада на горе и по вечерам гоняли их на водопой на Оку-реку. Тут же в ущелье обитал чародей Дятел, тоже мордвин, тоже приятель Соловью. И спросил Скворец Дятла о судьбе семидесяти сыновей своих. Отвечал Дятел: “Если дети твои будут жить мирно и согласно друг с другом, долго будут обладать здешними местами, а поссорятся – будут покорены русскими. И тогда здесь, на устье Оки, поставят русские город-камень, крепок зело, и не одолеют его силы вражеские”. И, сказав это пророчество, просил Скворца Дятел о честном ему погребении. Умер Дятел в глубокой старости, и похоронил его Скворец на горе, на устье реки Оки, и прозвалось то место Дятловой горы. Затем помер и Скворец, завещав семидесяти сыновьям мир и согласие. Сыновья и внуки Скворца жили хорошо между собою, но потомки их размножились и стали враждовать друг с другом. И совершилось предсказание чародея Дятла: один святой князь, Андрей Боголюбский, согнал их с устья Оки, другой святой князь, Георгий, поставил на Дятловых горах Нижний Новгород» [7, 23].

Другое русское предание рассказывает о построении первого русского города на Эрзянской земле: «...из-за Кудьмы-реки мордвин Абрамка пришел на устье Оки и поселился на Дятловых горах, поросших дремучим лесом. Было у него четырнадцать сыновей и три дочери, и построил Абрамка семнадцать домов там, указывает местный рассказ, где приходится теперь архиерейский дом. Это мордовское селение называлось Абрамовым, и Абрамка был панком, то есть правителем соседней мордвы (герюхан). Когда русские стали готовиться к первому походу на мордву, Абрамка укрепил свой городок, обнес его тыном и валами; в нем было тогда до пятисот человек. В городке своем Абрамка устроил двое ворот: одни с южной стороны вала, широкие, с дубовыми растворами, и завалил их землей; другие – Тайницкие, у Коровьего взвоза, на север, из которых ходили за водой на Волгу. Русские подошли к Абрамову городку в числе четырнадцати

тысяч и стали переговариваться с Абрамкой: “Уйди ты от устья Оки и давай князю нашему дань”. – “Я не князь, а только выборный панок, – отвечал Абрамка, – меня мордва не слушает, а вот я соберу весь мордовский народ, поговорю с ним и уговорю всю мордву покориться русскому князю; только дай мне сроку четыре года”. – “Не дам тебе сроку четыре года, – отвечает русский мурза, – а даю сроку четыре дня”. Абрамка согласился, оповестил ближайшую мордву, и в две ночи через Тайницкие ворота набралось в его городок пять тысяч мордвы. На четвертый день условленного срока велел Абрамка раскопать засыпанные землей ворота, и ударила мордва на русскую рать. Но русские одолели, завладели городком, сожгли его, разграбили, а жителей которых побили, которых в полон взяли. Сам Абрамка был убит. Поставили русские свой городок не на том месте, где было Абрамово городище, а выше по течению Оки, на месте, которое приходится теперь супротив ярмарочного моста. Мордва, узнав о гибели панка Абрамки и что город его и устье Оки заняты русскими, заволновалась, и шесть тысяч мордовских ратников собрались отомстить за смерть своего панка и выгнать русских из своей земли. Русских было только тысяча человек. Узнав о приближении мордвы, они вышли навстречу и бились с нею около деревни новой, иначе Щербинка, пробившись через мордовские полчища и через Березполье уехали во Владимир. Русские были на конях, а мордва пешая, оттого она и не могла достичь бежавших русских. Узнав об этом, русский великий князь сам двинулся на мордву и, завладев ее прибрежными местами, основал Нижний Новгород» [7, 24].

Интересно проследить, как же фольклорно-исторические контексты осмыслены и изображены в романе К. Г. Абрамова «Пургаз», насколько романский эрзянский инязор соответствует реальному князю, жившему в XIII в. По Аристотелю, «историк и поэт... различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй – о том, что могло бы случиться» [2]. Поскольку речь идет о произведении, в котором делается попытка воссоздать

историческую обстановку, творимую подлинными историческими лицами, то пределы вымысла должны быть ограничены рамками исторической правды. С другой стороны, в процессе исторической реконструкции, тем более художественной, невозможно избежать диалога культур – старой и новой.

К. Г. Абрамов в романе-сказании опирается на сообщения русских летописей о событиях конца XII – начала XIII в. и использует предание об Абрамовом городке как фактический материал. Предание о Скворце и Дятле, отголоски которого звучат в знаменитой эрзянской песне «На горах то было, на горах на Дятловых», меньше привлекает внимание автора, хотя представляет как художественную, так и историко-документальную ценность.

Существует два варианта предания об Абрамовом городке: один из них найден Н. И. Храмцовским, другой – опубликован П. И. Мельниковым-Печерским в «Очерках мордвы». В романе «Пургаз» использован второй вариант. Включив эту легенду в виде вставной конструкции в свое произведение, К. Г. Абрамов усложняет его архитектонику. Фольклорный текст, осваиваясь внутри литературного текста, не только соответствующим образом организует его, но и сам наполняется новым содержанием и подвергается некоторой авторской обработке.

Реализуя центральные идеи романа – патристическую и этноцентристскую, – автор иллюстрирует их важность, состоятельность и востребованность образом действий героев. Для главы рода, Обрана, как и для его сподвижников и помощников Кошая, Ордата, Чолпана, Ушмая, Паркая, благополучие городка, олицетворяющего сердце Эрзянской земли, превыше всего. Ради этого он готов на любые жертвы. Писатель, в стремлении достигнуть абсолютной чистоты образа Обрана (родственника и предшественника Пургаза), организует не всегда жизнеспособные психологические коллизии. Несколько надуманным, но в полной мере укладывающимся в границы авторской концепции представляется эпизод спора Обрана с сыном по поводу так-

тики поведения в отношениях с русским князем, напавшим на Обран ош (Абрамов городок). Мстиславу Обран обещал в течение четырех дней принять решение о сдаче городка. В действительности за это время он намеревался собрать в Обран ош большое войско, позвать на помощь болгарского хана и напасть на русских. Привыкнув видеть в отце благородного воина, сын Порват упрекает его: «– Отец, ты обещал князьям через четыре дня дать ответ. Ты дал им слово, и они тебе поверили. Ты хочешь нарушить свое слово? – Через четыре дня мы сдержим свое слово, но городок уже не удержим. – Обран взмахом руки велел Порвату сесть и обвел людей взглядом. – Значит, мы не честные люди, а князья, которые пришли нас грабить, – честные?.. Верю, Великий Бог не осудит нас за это, а даст свое благословение. Прогоним княжеских людей – проведем большое моление и попросим у Ине Шкая прощения. А не прогоним... Что ж, наши жены проведут моление на наших могилах» [1, 107]. Несмотря на все старания защитников, городок был побежден.

Наивная претензия Порвата, понимаясь, не умаляет масштаб образа Обрана. Его положительность абсолютна и не подвергается сомнению. Даже указанный «недостаток» превращается в достоинство, как только мы рассмотрим данный образ в системе персонажей романа-сказания. Очевидно, что при создании персонажного мира автором использован иерархический принцип, следование которому позволяет ему представить все разнообразие человеческих типов.

В Абрамовом городке живут разные люди: честные и лгуны, благородные, мужественные и трусливые, истинные патриоты и слабые духом, думающие лишь о своем благополучии. Среди последних – Изяр: легкомысленный и глупый, он отправился продавать самогон русским дружинникам, осадившим Обран ош. Его схватили и заставили рассказать о планах Обрана. Когда ночью эрзяне начали наступление, они удивились оживлению в стане русских: предупрежденные дружинники не спали, были вооружены и готовы к сражению.

Эрзянское войско, меньшее по числу и хуже вооруженное, потерпело поражение. Рисуя картину прощания с павшими в битве за Обран ош, К. Г. Абрамов дает представление о похоронном обряде. Тела убитых, Кошая и Паркая, обмытые и одетые в чистые белые рубахи, лежали на лавках. Первой хозяйина оплакала старшая жена, за ней другие. Последними оплакивали дочери и снохи. Обрана оплакивали все женщины селения. Три дня стоял немолчный плач. Хоронили воинов на родовом кладбище. Здесь же провели общее моление, на котором старейшины просили предков принять к себе погибших в битве за городок мужчин. А у Великого Бога испросили милости дать им свое благословение [1, 118]. После похорон оставшиеся в живых мужчины обрановского рода собрались в доме старейшин – месте, где решались важнейшие вопросы рода [11]. Здесь выбрали его нового главу – Ушмая, бывшего начальника стражи Абрамова городка.

Пургаз – центральный герой романа: от него все исходит и все вокруг него совершается. О его биографии не сохранилось фактических данных. Однако в романе его жизнь разворачивается в хронологической последовательности: описываются его детские и зрелые годы, он выступает как преобразователь, полководец, инязор, муж, отец. К. Г. Абрамов словно следует мыслям О. Э. Мандельштама о том, что «композиционная мера романа – человеческая биография. Человеческая жизнь еще не есть биография и не дает позвоночника роману. Человек действующий... является как бы стержнем целой системы явлений, группирующихся вокруг него»; «человек без биографии не может быть стержнем романа, и роман, с другой стороны, немислим без интереса к отдельной человеческой судьбе – фабуле и всему, что ей сопутствует» [5, 74, 75]. Пургаз есть тот самый человек с биографией, избилующей поступками, человек, оставивший о себе добрую память в народе. Как заметил М. М. Бахтин, «...анализ следует начинать всегда с героя, а не с темы, в противном случае

мы легко можем потерять принцип инкарнации темы через потенциального героя-человека, то есть потерять сам центр художественного видения и его конкретную архитеконику подменить прозаическим рассуждением» [3, 23].

Писатель стремится создать образ недюжинного человека. Он пытается представить формирование гения в далеком XII в. Каждый поступок романного героя обусловлен его будущими подвигами во имя своего народа (писатель о них уже знает и с высоты этого знания творит биографию героя). К. Г. Абрамов убежден: гений всегда неспокоен, целеустремлен, находится в состоянии перманентного творческого процесса.

Пургаз не пошел на компромисс ни с русскими князьями, ни с болгарским ханом. Он не сдался даже под напором все сметающей на своем пути Батыевой орды. Политическая позиция эрзянского князя, художественно осмысленная в романе-сказании, соответствует исторической действительности: ни один завоеватель так и не смог покорить эрзю.

Автор организывает повествование таким образом, чтобы зафиксировать этапы эволюции души и мыслей героя и в результате явить сложившийся образ-идею, цельный и полнокровный, убедительный и для писателя, и для читателя. Возвращаясь к мысли О. Э. Мандельштама о ценности человека с биографией, заметим, что К. Г. Абрамову удалось художественно воссоздать историю жизни человека-гиганта, каковым он представляет Пургаза.

Повествуя о жизни при монголах, К. Г. Абрамов уже не использует художественную реконструкцию. Этот период он описывает очень коротко: несколько лет стояли монголы на земле русских и эрзян, а потом двинулись на запад, оставив в городах своих наместников. И снова активизируется Пургаз. Собирает войско, чтобы отбить свой новый город. Вскоре на Эрзянской земле не остается ни одного захватчика. Вернувшиеся монголы заливают ее кровью, и люди смиряются с положением подневольных. Но не Пургаз. В стремлении сохранить идею образа пи-

сатель прибегает к такому приему: Пургаз вместе с маленьким отрядом, спасаясь от преследования монголов, исчезает. Как сложилась его дальнейшая судьба, неизвестно. Возможно, сражаясь с ордой, он погибает в одном из боев. Данных о том, что эрзянский князь стал подвластен монголам, нет.

В романе отражены основные этапы жизни Пургаза, его развитие и становление. Сначала мы видим целеустремленного, талантливого ученика, затем столь же целеустремленного и талантливого князя. У К. Г. Абрамова Пургаз не наследственный князь, он становится таковым в результате выборов и сплывает родную землю, объединив эрзянские и мокшанские роды. Многого достиг он и в улучшении отношений с русскими, жившими на территории Эрзянской земли. Укрепив их положение в своих владениях, Пургаз добился того, что они стали друзьями и помощниками эрзян в борьбе с половцами и русской княжеской дружиной. До него это были сторонние наблюдатели, не вмешивающиеся в проблемы приютившего их народа.

Пургаз – реальное историческое лицо. Он изображается как выразитель созревших в недрах общества тенденций, направленных на укрепление этнотерриториальных границ. Автор не выходит за пределы исторической типологии, улавливая в бурном потоке событий общее, закономерное. Писателю удалось показать роль незаурядной личности в судьбе народа, подчеркнуть, что гений не может проявить и выразить себя вне национальной почвы, не принимая самого активного участия в жизни этноса.

К. Г. Абрамов, используя летописные данные и фольклорный материал, воспроизвел важнейший период в истории народа – формирование феодальной государственности. Этот процесс изображен им на фоне русско-эрзянских военных, культурных и прочих отношений, что придает повествованию многогранность и сюжетную многолинейность, полифоничность. В «Пургазе» эрзянский исторический роман достигает своей зрелости, обнаруживая, с одной стороны, самобытные черты, а с другой – разнообразие связей и типологическую общность с русским историческим романом.

Поступила 22.10.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамов, К. Г.* Пургаз : роман-сказание / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – 464 с.
2. *Аристотель.* Поэтика [Электронный ресурс] / Аристотель. – Режим доступа: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/aristotel1_1.txt. – Дата обращения: 22.10.2012.
3. *Бахтин, М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 5–25.
4. *Гераськин, Т. В.* Русь и Мордва в фольклоре и исторической прозе / Т. В. Гераськин, Е. А. Шаронова. – Саранск, 2013. – 328 с.
5. *Мандельштам, О. Э.* Конец романа // Мандельштам О. Э. Слово и культура : ст. – М., 1987. – С. 72–75.
6. *Маскаев, А. И.* Мордовская народная эпическая песня / А. И. Маскаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1964. – 440 с.
7. *Мельников, П. И.* (Андрей Печерский). Очерки мордвы / П. И. Мельников. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. – 136 с.
8. *Смирнов, А. П.* Этногенез мордовского народа по данным археологии I–XV вв. н. э. // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965. – С. 18–28.
9. *Шаронов, А. М.* Трансформация образа героя в эрзянской и мокшанской героической поэзии / А. М. Шаронов, Е. А. Шаронова // Вестн. НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия. – 2010. – № 2. – С. 149–163.
10. *Шаронов, А. М.* Эрзя, Меря, Русь в историографии России / А. М. Шаронов. – Саранск, 2013. – 264 с.
11. *Шеянова, С. В.* Этнобрядность как художественно-эстетическое средство отражения национального сознания в мордовском историческом романе // В тесном соседстве : мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства. – Саранск, 2013. – С. 814–820.
12. *Щербина, В. Р.* Личность, современность, история // Советский многонациональный роман. – М., 1985. – С. 6–37.